

СЕРГЕЕВ, ОЛЕГ

**В. Н. Татищев – исследователь и собиратель материалов
по марийскому языку**

TATISHCHEV V. N. (1686–1750) is one of the first Russian scientists who paid special attention to the Mari language. He wrote about distinguishing features of Finish, Mordva, Mari, Komi, Udmurt, Mansi and other languages. He considered Modern Finno-Ugric people to belong to 'Sarmatian' people.

One of the most valuable documents devoted to Mari history and culture in the early 18th century is the material containing responses to the questionnaire constructed by V. N. TATISHCHEV in 1734, which consisted of 92 questions. In 1737 the second questionnaire was constructed by him, in 1739 – the third one. Among the documents there were two manuscripts concerning Mari people; they are „Объявление о деревне Батемировка и о состоянии в ней живущих черемис” (1736) and „Описание о черемиском народе, которые живут в Верхотурском уезде при реке Бисерте” (1738). The following Mari words, phrases and sentences were fixed in above-mentioned documents: *телже* 'month', *Азан* 'Kazan', *одо* 'Votyak', *кильме делже* 'April', *икы ий* 'year', *Алла Юмо серлага* 'God bless us'.

Keywords: the Mari language, theory of genealogical relationship, linguistic affinity, minority languages, manuscripts.

В. Н. ТАТИЩЕВ (1686–1750) является одним из первых отечественных ученых, кто в своих исследованиях обратил внимание на марийский язык. Он продолжил теорию генеалогического родства, начатая в Германии и Швеции философами и политическими деятелями немцем Г. В. Лейбницем, шведами О. РУДБЕК-старшим, Ю. Г. СПАРВЕНФЕЛЬДОМ, с энтузиазмом захваченное и продолженное в Голландии Н. К. ВИТСЕНОМ и Ф. И. СТРАЛЕНБЕРГОМ. Так в конце XVII – начале XVIII веков почти одновременно в научных кругах Германии, Швеции, Голландии и в России встал вопрос о языковом родстве, а точнее возникает „идея о финно-угорском родстве”. В Московии у истоков этой „генеральной идеи классификации языков на основе их генетического родства” стоял известный российский историк, географ и государственный деятель ТАТИЩЕВ. Он был также великим полиглотом, блестяще владел десятью языками. Среди них такие языки, как, например, французский, немецкий, английский, шведский, польский. Знал церковнославянский, греческий и несколько тюркских языков. Совершенствовал свое образование в Германии. Он побывал в Берлине, Дрездене, Бреславле (www.rosimperia.info/post/2402: дата обращения 23.05.2014).

Nyelvtudományi Közlemények 111: 395–405.

DOI: 10.15776/NyK.2015.111.21

В своих исследованиях ТАТИЩЕВ исходил из необходимости комплексного изучения истории России – в нерасчлененном единстве географии, истории, этнографии и археологии (<http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03>, с. 75: дата обращения 14.05.2014). Работая на Урале начальником «Горной канцелярии», в 1720 году побывал в Тобольске, там он встретился со шведским военнопленным Ф. И. ТАББЕРТОМ СТРАЛЕНБЕРГОМ, впоследствии ставшим спутником Д. Г. МЕССЕРШМИДТА по Сибирской экспедиции. К приезду ТАТИЩЕВА в сибирскую столицу Страленберг успел составить свою знаменитую карту Великой Татарии и Сибири. Следующая встреча ТАТИЩЕВА и СТРАЛЕНБЕРГА состоялась через четыре года в Швеции (НОВЛЯНСКАЯ 1966: 30, 77). В Стокгольм ТАТИЩЕВ приехал по просьбе Петра I. Пробыл там с декабря 1724 года по апрель 1726 год. Осмотрел заводы и рудники. СТРАЛЕНБЕРГ познакомил ТАТИЩЕВА с выдающимися исследователями и политическими деятелями Швеции ЭРИКОМ БЕНЗЕЛИУСОМ, ГЕНРИХОМ БРЕННЕРОМ и его двоюродным братом ЭЛИАСОМ БРЕННЕРОМ (ЮХТ 1971: 322, см. также СТИРА 1990: 182–183, ЮРЧЕНКОВ 1995: 189). Отметим, что СТРАЛЕНБЕРГ и БРЕННЕР во время русско-шведской войны оба просидели в российском плену около двадцати лет. Они неплохо знали Россию, их многонациональный народ. Неоднократно встретились с представителями уральских народов. Следует констатировать, что именно через Э. БРЕННЕРА и БЕНЗЕЛИУСА, собранные в полевых условиях Г. БРЕННЕРОМ марийские слова и отправленные по почте из Казани дошли до Швеции и напечатаны в 1698 году в книге ОЛОФА РУДБЕКА „Атлантика или Родина человечества” (подробнее см. СЕРГЕЕВ 2008: 257–263). Шведский ученый БЕНЗЕЛИУС и шведоязычный финн Э. БРЕННЕР лично были знакомы с Г. В. ЛЕЙБНИЦЕМ, с его идеей о языковом родстве. БЕНЗЕЛИУС был в гостях у ЛЕЙБНИЦА на его родине. Долгое время они переписывались между собой. Вместе решали вопрос о родстве финно-угорских языков (SARAJAS 1956: 114–115, HÄKKINEN 2008: 40–41). Через БЕНЗЕЛИУСА ЛЕЙБНИЦ имел связь с Г. БРЕННЕРОМ. От него же немецкий философ узнал, что „черемисы” живут на Волге, у них язык очень схож с финским (ГЕРЬЕ 1871: 32, WESSEL 2003–2004: 94, 95). Из Швеции идею ЛЕЙБНИЦА ТАТИЩЕВ увез на родину, в Россию. Живя и работая на Урале, он стал воплощать ее в жизнь.

ТАТИЩЕВ читал и перечитывал книгу СТРАЛЕНБЕРГА „Северная и Восточная часть Европы и Азии... и с никогда еще не издававшейся »Многоязычной таблицей« 32-х различных языков татарских народов...” (Stockholm, 1730). Высоко оценивая произведение шведского исследователя, ТАТИЩЕВ отмечал и некоторые его недостатки. Использовал материалы СТРАЛЕНБЕРГА в своей книге „История Российская” (Москва, 1768–1848), которая является первой в России научным обобщающим трудом по отечественной истории (см. ВДОВИН 1954: 16). Он положительно отзывался так-

же на работу талантливейшего географа и историка П. И. Рычкова. По замечанию В. В. Сидорова, он, как и М. В. Ломоносов, Г. Ф. Миллер, использовал его труды в своих исследовательских работах (Сидоров 2007: 13).

Поездка в Швецию, встреча там со „шведскими и финскими финно-угроведами” натолкнула ТАТИЩЕВА и на новый взгляд на российскую образовательную систему. Он „ратовал на то, чтобы в школах русские младенцы изучали »инородческие языки«, а »инородческие« дети – русский язык. Шведы, писал он, в целях просвещения лапландцев напечатали для них даже книги на их родном языке, а для русских „инородцев” – мордвы, чувашей, ч е р е м и с о в, вотяков и других ничего подобного не сделано. Светские и духовные лица, работающие среди нерусских народов, обязаны знать „инородческие” языки. Знание живых „инородческих” языков, по мнению ТАТИЩЕВА, несравненно важнее знания мертвых классических языков. Он предлагал открыть в Среднем Поволжье, в частности, в Казани, школы со специальным назначением готовить хороших языковедов (ДМИТРИЕВ 1959: 474). ТАТИЩЕВ высказался также за издание книг на „инородческих” языках (ТРЕФИЛОВА 1957: 13–14). Как видно, вклад в просвещение народов малых языков России ТАТИЩЕВЫМ неоспорим.

В 30-х годах XVIII века ТАТИЩЕВ представил в Петербургскую Академию наук и в сенат „Лексикон, сочиненный для приписывания иноязычных слов, обретающихся в России народов, для которого выбраны такие слова, которые в простом народе употребляемы (выделено нами – О. С.)” (ТАТИЩЕВ „Лексикон Российский” (см.: СЕРГЕЕВ 2002: 12). Из названия памятника видно, что ТАТИЩЕВ при сборе лексических единиц придерживался методики ЛЕЙБНИЦА (по ЛЕЙБНИЦУ – п р о с т о р е ч н ы е с л о в а – О. С.). Рукописный вариант данного лексикона хранится в Архиве Санкт-Петербургского отделения Российской Академии наук (Архив СПб отделения РАН, Фонд Куник Арист Аристович, ф. 95, оп. 5, ед. хр. 17; 13 л.). Не исключено, что эти материалы ТАТИЩЕВА могли попасть в фонд российского историка, филолога А. А. Куника (1814–1899) во время его работы над темой „К истории просвещения в России” в Петербургской Академии наук. В частности, академик КУНИК прорабатывал труд „Перечень сочинений В. Н. Татищева и материалов для его биографии”, который издан в „Записках Академии наук” (т. XLVII) (см. www.rulex.ru/01110998.htm: дата обращения 29.05.2014).

В деле кроме русского словника, который предназначался для перевода на „иноязычные” языки, имеются некоторые инструкции. В них подробно объяснена методика собирания лексических единиц по „малым” языкам России. Например, в инструкции № 2 сказано: „Надлежит сказанное внятно выслушивать, какия буквы положить и хранить, чтобы одну буквы за дру-

гою не положить, ибо у нас часто неведущие силы правописания и разума мешают **а с о** и вместо *разлука* пишут *розлука*, а вместо *того* пишут *таво*, **б с п** яко вместо *дубь* пишут *дупь*, **е и э** яко *эдемь* и *едемь*, **ь с ь** ибо то есть *медь* ино *мьдъ*, *хорь* и *хорь*, не упоминая разницы между **е и э**; **ј с ѹ, ѹ, в; ѣ, ѣ и у; ф и ѿ**” (ф. 95, оп. 5, ед. хр. 17, л. 1–2). Не менее содержательным является седьмая инструкция, где ТАТИЩЕВ упоминает и язык „черемис”. В частности, в ней отмечено: „Для сего нужно не одного, но разных спрашивать и поправлять и если один скажет не то, что прежде сказано, то доведываться, не из другого ли языка, которое взято понеже *сарматские народы*, яко *ч у в а ш а* (выделено нами – О. С.), черемиса, мордва, вотяки, остяки и пр. многие своего языка растеряв, татарския или русския, а близ калмык и мунгал живучие оных языков слов взяли и оные отмечать хотя одною буквою, яко татарское – *т.*, калмыцкое – *к.*, мунгальское – *му* ...” (там же, л. 2–3). Следует констатировать то, что современные финно-угорские народы Татищев относил к „сарматским”. Чуваши тоже были включены в „сарматскую” группу. По ТАТИЩЕВУ также башкиры – „самые настоящие сарматы” (см. http://az.lib.ru/t/tatishew_w_n/text_0250.shtml, История Российская, Ч. 1. Глава 22: дата обращения 23.06.2014). Отметим, что в одном из учебников по географии начала XX века башкиры наряду с „пермяками, зырянами, вогулами, черемисами” также были включены в финно-угорскую группу (БОЯРШИНОВЪ 1913: 11). Ценным является и восьмая инструкция, она гласит: „... странных букв и многих наверху не клали, которым многократно [не ясная запись] разум теряют” (ф. 95, оп. 5, ед. хр. 17, л. 3). Из содержания инструкций видно, что ТАТИЩЕВ хорошо понимал специфические особенности „инородческих” языков России, в особенности в их графике и лексике.

Как уже отметили, ТАТИЩЕВ, как и ЛЕЙБНИЦ, при сравнительном исследовании языков главное внимание уделял на „слова и выражения повседневного разговорного языка”. Впоследствии лексиконом ТАТИЩЕВА пользовались участники Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.) соотечественники ЛЕЙБНИЦА Г. Ф. МИЛЛЕР и И. Э. ФИШЕР. В их руках также были инструкции, снабженные специальными разделами о методах сбора сведений по языкам народностей Сибири, которые были составлены ТАТИЩЕВЫМ (ПОПОВ 1861: 665).

В фонде МИЛЛЕРА хранится памятник, в заголовке которого имеется помета: „ТАТИЩЕВ В. Н. Параллельные русско-чувашско-черемисско-мордовские списки слов. Не в алфавитном порядке” (ф. 21, оп. 5, ед. хр. 149, 454–463 лл.). Этот трехязычный „инородческий” словник, как указывает чувашский исследователь В. Д. ДМИТРИЕВ, был составлен МИЛЛЕРОМ „по поручению историка В. Н. ТАТИЩЕВА в 1737–1738 гг. в Симбирской провинции” (СЕРГЕЕВ 1970: 232).

Одним из ценнейших документальных памятников по истории и культуре марийского народа 1-ой половины XVIII века является материал, отразившийся в ответах на вопросы анкеты ТАТИЩЕВА. Анкета составлена в 1734 году самим ТАТИЩЕВЫМ и состояла из 92 вопросов и ставила своей целью сбор обширного материала для географического описания Сибири и прилегающих к ней приуральских областей европейской России. Помимо географических сведений, вопросник касался и проблем истории и этнографии. Как известно, к этому времени ТАТИЩЕВ управлял казенными заводами на Урале и занимался историческими, географическими и этнографическими исследованиями. Вопросники были разосланы в губернские и провинциальные города Сибири и Казанской губернии. В 1737 году был готов второй вариант анкеты, автором которого Г. ДЁРФЕР и М. АДАМОВИЧ считают также ТАТИЩЕВА (DOERFER 1965, ADAMOVIČ 1981: 71–72). В 1739 году был составлен третий вариант (АДЯГАШИ 1985: 77). Среди ответов, полученных ТАТИЩЕВЫМ в 1736–1738 годах, оказались и две рукописи, касающиеся народа мари. Они имеют следующие названия: „Объявление о деревне Батемиркове и о состоянии в ней живущих черемис”, состоящее из двух „розделов” (1736 г.) и „Описание о черемисском народе, которые живут в Верхотурском уезде при реке Бисерте”¹ (1738 г.). Первый раздел рукописи 1736 года состоит из 47 пунктов (коротких текстов), которые имеют соответствующие названия, например: „О званиях”, „О пришествии под власть Российскую”, „О прозвании Батемиркова”, „О зверях”, „О бунтах”. „Роздел второй” охватывает 39 текстов со следующими подзаголовками, например: „О прозвании черемисов”, „О прозвании между собою”, „Давно ли они на том месте живут”, „О молитвах”, „О супружестве”. Анкета 1738 года состоит из 116 ценнейших текстов. „Описание” анкеты 1738 года было сделано „горным надзирателем” ФЕДОРОМ НЕКЛЮДОВЫМ. При „описи черемиса” были кунгурские марийцы Суяр Мурзанаев и Леонтей Иванов, о чем свидетельствует подписи на полях и в конце рукописи. Подлинник под названием „Географические и исторические ведомости, собранные и присланные в Академию В. Н. ТАТИЩЕВЫМ; Самара, Верхотурье, Пелым, Тобольск, Пара, Иркутск, д е р . Б а т е м ы р - ч е р е м и с ы”² (выделено нами – О. С.), р. Сысерт...” хранится в фонде Миллера Архива СПб отделения РАН (ф. 21, оп. 5, ед. хр. 149, лл. 368–383 об., 384–398). В памятнике зафиксированы отдельные слова (около 40), например: *арня* 'неделя'; *ка-*

¹ В научный оборот эти документы впервые были введены марийским этнографом СЕПЕЕВЫМ (1965).

² Батемир-черемисы – марийская деревня Батемирково, „прозвана от человека Батемира Пахомова, который прежде жил по Чюсовой реке, пониже Макаровой русской деревни” (ИВАНОВ – СЕПЕЕВ 1994: 85).

лым 'калым'; *кугарня* 'пяток', ср. *пятница*; *тылже* 'месяц'; *шочмо* 'понедельник'; словосочетания (более 10), например: *икы ий* (*ик ий*) 'один год', *кечибал нимач* 'с полдней', *пургуж телче* 'февраль', *ют нимач* 'с северу' и даже несколько предложений (их около 5), например: *Алла Юми серлага* 'господи, помилуй', *Кугу Юми серлага* 'господи, помилуй нас'. В анкетах ТАТИЩЕВА наиболее ценными являются марийские этнонимы, некоторые из которых в современном языке приобрели иную семантику, ср., например: *маре* (*море*, *муре* или *мауре*) 'марий, мариец', *руш* 'русский', *одо* 'удмурт', *сюась* (*сюас*, *сюаз*) 'чуваш, чувашин' – лит. *суас* 'татар, татарин', *мокше* 'мордва' – лит. *мокша* 'мокша', *калмак* 'калмык' – лит. *калмык* 'тж.', *остяк* 'остяк', *киргиз* 'китаец' – лит. *киргиз* 'тж.', *башкурт* 'башкир' – ср. *пошкырт* 'башкир', *казак* 'казацья орда' – лит. *казак* 'тж.', *бухар* 'бухарец, бухарцы'. Это первый материал по марийскому языку, который записан не иностранцем, а хорошо владеющим русским языком на кириллице.

В своей знаменитой книге „История Российская” (Часть первая. Глава 22. Оставшиеся сарматы) ТАТИЩЕВ для марийцев использует этноним *море*. Касаясь о марийцев, он пишет: „По Волге *черемиса* выше Казани, сами зовутся *море*. Они разделены надвое; *нагорные* по правой стороне Волги от реки Суры вниз до устья реки Свиаги. Их города: главный Свиаск, выше оного Чебоксарь, Цивильск и Козмодемьянск. По левую сторону Волги *л у г о в ы е ч е р е м и с а* от реки Ветлуги до Кокшаги. В оной части города построены Кокшайск, Санчурск и Яранск. Сей народ довольно язык свой сохранял, но, приняв крещение, большая часть, оный оставив, русский употребляют” (http://az.lib.ru/t/tatishew_w_n/text_0250.shtml, История Российская, Ч. 1. Глава 22, п. 17: дата обращения 23.06.2014). Этноним *море*, по ТАТИЩЕВУ, это также самоназвание *мордвы*, „русские их именовали *меря*” (там же, п. 19). Следует констатировать, что в исторических источниках для этнонима *мордва* не встречается слово *море*. А, как нам известно, русские не говорили мордву *мерей*. В этой же книге ТАТИЩЕВ приводит и другие выражения к этнониму мордва из записей иностранных путешественников и ученых, ср.: *мордасы*, *мордвасы*, *мордуканы*. Об этих и других наименованиях этнонима *мордва* в сочинениях западноевропейских авторов и российских путешественников VI–XVIII столетий можно подробно ознакомиться в монографиях МОКШИНА (1993) и ЮРЧЕНКОВА (1995).

В деле (1736 г.) довольно полно описывается деревня начала XVIII века Батемирово Бисертской волости Верхотурского уезда. Она была единственной марийской деревней „при реке Бисерте Баитемирова”. Других «черемисских деревень в том уезде кроме Кунгурского уезда, нет». «По обе стороны жилища имеются: в запад – город Кунгур, в восток – казенная

пристань, в полдень – башкирская жилища, в север – завод Сылвинской, городов Верхотурье, Пелым, Соль Камская между севером и западом» (ИВАНОВ – СЕПЕЕВ 1994: 101). Ко времени „описании” в Батемировке проживал 66 человек: „Число мужеска полу 9 человек, оброчных – 6 человек. Число женска полу 9 человек. Детей мужеска полу 24 человека, женска полу – девок 17”. Жили в 9 дворах. Их прадеды жили „с протчими черемисами в полднейной стороне по ту сторону Казани при реке Буржуме³...” (ИВАНОВ – СЕПЕЕВ 1994: 85, 96). К концу 30-м годам XVIII века язык этой маленькой марийской деревни был уже сильно перемешан с другими языками, в особенности с русским. Об этом, например, в тексте под № 116 написано: „... здешние черемиса как видно при описи, природной свой язык потеряли и смешали с протчими многими языки – з башкирцы, с мещеряками, с вотяками, с вогульцы, которые с ними вблизиности живут...”. Далее там же замечено: „... весь их язык по-русски...” (см. ИВАНОВ – СЕПЕЕВ 1994: 103). В конце XVIII века эта территория вошла в Красноуфимский уезд, там такой деревни уже не значится. Не было ей в Пермской губернии и в XIX веке. Возможно, она существует под другим названием, потому что по Кунгурскому уезду по марийским деревням видно, что названия менялись, часть названий существует сегодня как второе название деревни, а они под ними переписаны в XVIII веке. Кроме того, из южной части Пермского наместничества была миграция в башкирские земли (по устным сообщениям д. ист. н. профессора А. В. ЧЕРНЫХ, см. также ЧЕРНЫХ 2013: 67–72).

Известно, что ТАТИЩЕВ, получив в 1720 году назначение на Урал, поселился не в Кунгуре, а в Уткинском заводе (ru.wikipedia.org/wiki/Татищев_Василий_Никитич: дата обращения 27.05.2014). По данным „Сообщения о состоянии” марийцев „от д. Батемировы пристань Уткинская разстоянием в 30 верстах на восток... (ИВАНОВ – СЕПЕЕВ 1994: 89). Получается, ТАТИЩЕВ работал не далеко от марийской деревни. Не исключено, что он сам лично побывал в д. Батемирово.

Автором сообщения материалов 1736 года предположительно является ближайший помощник ТАТИЩЕВА КИРИАК КОНДРАТОВИЧ (см.: ф. 21, оп. 5, ед. хр. 149, л. 398, также ИВАНОВ – СЕПЕЕВ 1994: 83–84)⁴. КОНДРАТОВИЧ

³ Река Буржум – река Уржум.

⁴ Полученные ответы, как отмечают марийские исследователи А. Г. ИВАНОВ и Г. А. СЕПЕЕВ, несмотря на их некоторую полноту и фрагментарность, в целом были оценены ТАТИЩЕВЫМ положительно. В то же время содержание отдельных ответов сообщения вызвали у ТАТИЩЕВА дополнительные уточняющие вопросы и пояснения и, видимо, были вписаны в эту рукопись его рукой (ИВАНОВ – СЕПЕЕВ 1994: 83). Внимательно изучив материалы ТАТИЩЕВА, можно констатировать, что

был широко образованным человеком, занимался переводческой работой, был учителем Екатеринбургской латинской школы. По рекомендации ТАТИЩЕВА стал заниматься лексикографической деятельностью. Им составлены несколько лексиконов по финно-угорским языкам, в том числе и по марийскому. Об этом в 1737 году КОНДРАТОВИЧ писал в Петербургскую Академию наук: „... також я собрал различные лексиконы с российским: татарский, чувашский, черемисский, вятцкий, вагулицкий...” (МИИАН III: 418). А в июне 1739 года он сообщил следующее: „сверх же того сочинил дикционеры: татарско–русский, чувашско–русский, вогулицко–русский, черемисско–русский, вотяцко–русский, остяцко–русский» (МИИАН IV: 131). Рукописи, переданные им для Академии наук, предназначались ТАТИЩЕВУ. К сожалению, они до нас не дошли, „разделили участь прочих книг и бумаг ТАТИЩЕВА, ставших жертвой пожара” (Булич 1904: 441).

В заключении отметим, что ТАТИЩЕВ главное внимание уделял на изучение языков малых народов России, в том числе и марийского. Велика его заслуга и в собирании лексического материала по финно-угорским языкам. В своих сочинениях он неоднократно подчеркивал особенности финского, эстонского, саамского, мордовского, марийского, коми, удмуртского, хантыйского, мансийского и других языков. Пристальное внимание ТАТИЩЕВА к финно-угорским языкам можно объяснить, с одной стороны, влиянием идеи ЛЕЙБНИЦА, а, с другой стороны, его знакомство с СТРАЛЕНБЕРГОМ и с выдающимися исследователями и политическими деятелями Швеции БЕНЗЕЛИУСОМ и братьями БРЕННЕР. Работая в центре Урала главным начальником сибирских и казанских заводов, эти идеи он стал воплощать в жизнь. А в этом этнотерриториальном регионе проживали представители многих уральских народов, в том числе и восточные (кунгурские) марийцы.

Список использованных рукописных источников

Архив Санкт-Петербургского отделения Российской Академии наук

Географические и исторические ведомости, собранные и присланные в Академию В. Н. ТАТИЩЕВЫМ; Самара, Верхотурье, Пелым, Пара, Иркутск, дер. Батемыр-

действительно, эти уточнения и дополнения сделаны рукой ТАТИЩЕВА. В пользу сказанному могут подтверждать такие факты, как, например, знание финского, ср.: *маа* 'земля, удел', *муре* 'муж, человек совершенный', *маре* 'хозяина'; татарского: *урус* 'русский' языков. Известно, что ТАТИЩЕВ знал и финский, и татарский языки. Отдельные выражения совпадают с его научной философией, ср. „он ('черемис' – О. С.) сарматского старых жителей языка”, „а финны и корсь их же («черемисско-го» – О. С.) языка”. Как уже отметили, ТАТИЩЕВ современные финно-угорские народы относил к „сарматским”.

черемисы, р. Сысерт. Описание крепостей по р. Иртышу. Заметки о мутах (Охотск и Камчатка). Словари: вогульский, черемисский, чувашско–черемисско–мордовский, калмыцкий, грузино–персидско–турецкий, различные слова этих наречий в переводе на русский. Описание городов и географических местностей составлены геодезистами Меховым, Наруцовым, Ив. Порецким и др. – Ф. 21, оп. 5, ед.хр. 149, фонд Миллера.

Л е к с и к о н, сочиненный для приписывания иноязычных слов обретающихся в России народов, для которого выбраны токмо такие слова, которые в простом народе употребляемы, 17 лл. – Ф. 95, оп. 5, ед. хр. 17. Фонд Куник Арист Аристович.

Литература

- Адягаши, К. (1985), О шести чувашских глоссариях XVIII века. Советская тюркология 5: 76–88.
- Бояршиновъ, Н. А. (1913), Пермская губернія. Учебникъ географіи съ приложениемъ хрестоматіи и 2 картъ. Изд. 2-е, доп. Электро-Типографія Губернскаго Земства, Пермь.
- Булич, С. К. (1904), Очерк истории языкознания в России. Т. 1 (XVIII в. – 1825 г.). С приложением, вместо вступления, „Введения в изучении языка” Б. ДЕЛЬБЮКА. Тип. М. Меркушева, Санкт-Петербург.
- Вдовин, И. С. (1954), История изучения палеоазиатских языков. Издательство АН СССР, Москва – Ленинград.
- ГЕРЬЕ, В. (1871), Отношения Лейбница к России и Петру Великому: По неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. Т. II: Лейбниц и его век. Печатня В. И. Головина, Санкт-Петербург.
- ДМИТРИЕВ, В. Д. (1959), История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773–1775 годов). Чувашское государственное издательство, Чебоксары.
- ИВАНОВ, А. Г. – СЕПЕЕВ, Г. А. (1994), Материалы анкеты В.Н. Татищева о марийцах Приуралья 30-х годов XVIII века. Марийский археографический вестник 4: 83–105.
- МИИАН III = Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 3 (1736–1738). Тип. Имп. АН, Санкт-Петербург. 1886.
- МИИАН IV = Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 4 (1739–1741). Тип. Имп. АН, Санкт-Петербург. 1887.
- МОКШИН, Н. Ф. (1993), Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Мордовское книжное издательство, Саранск.
- НОВЛЯНСКАЯ, М. Г. (1966), Филипп Иоган Страленберг. Наука, Москва – Ленинград.
- ПОПОВ, Н. А. (1861), В. Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России, первой половины прошедшего столетия. В типографии В. Грачева и К., Москва.
- СЕПЕЕВ, Г. А. (1965), Архивный документ первой половины XVIII века о восточных марийцах. Вопросы истории и литературы народов Среднего Поволжья (сборник статей). Казанский институт языка, литературы и истории, Казань.

- СЕРГЕЕВ, Л. П. (1970), О памятниках чувашской письменности XVIII века. In: АНДРЕЕВ, И. А. – ГОРШКОВ, А. Е. – ПАВЛОВ, Н. С. (ред.), Ученые записки НИИ. Вып. 46. Филология. Научно-исследовательский институт при Совете Министров Чувашской АССР, Чебоксары. 228–263.
- СЕРГЕЕВ, О. А. (2002), Истоки марийской письменности: Историко-лингвистический анализ рукописных памятников марийского языка XVIII–XIX веков. Марийское книжное издательство, Йошкар-Ола.
- СЕРГЕЕВ, О. А. (2008), Марийские слова в дневниках финского дипломата Х. Бреннера. In: САДУКОВ, К. Н. – ТИХОНОВ, О. Н. – ГАЛКИН, И. С. – ЗОРИНА, З. Г. – ИВАНОВ, И. Г. – САБИТОВ, С. С. (ред.), Материалы X Международного конгресса финно-угроведов: Лингвистика: V часть. Марийский государственный университет, Йошкар-Ола. 257–263.
- СИДОРОВ, В. В. (2007), Исследователи-путешественники о Башкортостане. XVIII век. Сост., предисл., коммент. В. В. СИДОРОВА. Китап, Уфа.
- ТАТИЩЕВ, В. Н. (1768–1848), История Российская. Книга 1–5. Императорский Московский Университет, Москва.
- ТРЕФИЛОВА, А. Т. (1957), Очерки истории Марийской начальной школы дооктябрьского периода. Марийское книжное издательство, Йошкар-Ола.
- ЧЕРНЫХ, А. В. (2013), Этническая история марийцев Пермского Прикамья. In: СЕРГЕЕВ, О. А. (науч. ред. марийского языка), Марийцы Пермского края: очерки истории и этнографии. 2-е изд., испр. и доп. ОТ и До, Пермь. 49–104.
- ЮРЧЕНКОВ, В. А. (1995), Взгляд со стороны. Мордовский народ и край в сочинениях западноевропейских авторов VI–XVIII столетий. Мордовское книжное издательство, Саранск.
- ЮХМ, А. И. (1971), Поездка В. Н. Татищева в Швецию (1724–1726 гг.). In: САМСОНОВ, А. М. (ред.), Исторические записки. Наука, Москва. 269–335.
- ADAMOVIĆ, M. (1981), Das Tatarische des 18. Jahrhunderts. *Journal de la Société Finno-ougrienne* 77/5: 67–126.
- DOERFER, G. (1965), Ältere westeuropäische Quellen zur kalmükischen Sprachgeschichte. *Asiatische Forschungen* 18. Otto Harrassowitz, Wiesbaden.
- HÄKKINEN, K. (2008), Suomen kielen historia 2. Suomen kielen tutkimuksen historia. Suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisu 78. Turun yliopisto, Turku. http://az.lib.ru/t/tatishew_w_n/text_0250.shtml, История Российская, Ч. 1. Глава 22: дата обращения 23.06.2014.
- <http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03>, с. 75: дата обращения 14.05.2014.
- ru.wikipedia.org/wiki/Татищев_Василий_Никитич: дата обращения 27.05.2014.
- SARAJAS, A. (1956), Suomen kansanrunouden tuntemus 1500–1700-lukujen kirjallisuudessa. WSOY, Porvoo.
- STIPA, G. J. (1990), Finnisch-ugrische Sprachforschung von der Renaissance bis zum Neopositivismus. *Mémoires de la Société Finno-ougrienne* 206.
- VON STRAHLENBERG, PH. J. (1730), Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia (таблица: Gentium Boreo – Orientalium vulgo Tatarorum Harmonia Linguarum). Verlegung des Autoris, Stockholm.

WESSEL, K. (2003–2004), Leibniz und das Finnisch-Ugrische in seinem Briefwechsel (Teil I). Ural-Altäische Jahrbücher. Neue Folge 18: 67–102.
www.rosimperia.info/post/2402: дата обращения 23.05.2014.
www.rulex.ru/01110998.htm: дата обращения 29.05.2014.